

Р. ДОСТАЛОВА

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (характер и формы)

1. ОТНОШЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ К ХРОНИКАМ

Со времен К. Крумбахера¹ литературные источники византийской истории по традиции делятся на две группы: историографию и хроники, которые различают с точки зрения языка, концепции, социального положения авторов; к тому же они имели и разных читателей. Х. Г. Бек показал, что разделение этих двух типов источников по признаку социального положения авторов не соответствует действительности: лишь шесть авторов 21 сохранившейся хроники были монахами, причем трое из них до пострижения принадлежали к служилому дворянству. Бек пришел к выводу, что противопоставлять хроники историографии нет никаких оснований и что между ними в плане хронологического охвата событий и в смысле языка и стиля менее существенны, чем считалось до сих пор². Точку зрения Бека разделяет Х. Хунгер, который включает историографию и хроники в общий раздел *Geschichtsschreibung*³.

По-видимому, новый материал для решения этой проблемы даст серия работ, которые начали выходить в «*Travaux et mémoires*»: анализ хроник должен показать специфическое понимание времени хронистами, которое в данном случае связано с христианской эсхатологией⁴. По рабочей гипотезе авторов, факты и события, запечатленные в хрониках, имеют глубокое символическое значение⁵. Дальнейшее различие между историографией и хрониками определяется степенью самооценки авторов, личность которых более ярко проявляется в исторических произведениях⁶.

Не подлежит сомнению, что византийские авторы сами чувствовали разницу между историографией и хрониками. Феофан говорит о своем предшественнике Синкелле, что он «прочел произведения многих хронистов и историков»⁷. В введениях к своим произведениям хронисты критикуют историков, обвиняя их в том, что они описывают события с чрезмерными подробностями⁸, говорят только о своем времени и о том, что непосредственно предшествовало ему и не могут поэтому оставаться беспристрастными⁹, что их стиль слишком труден для тех, кто не получил соответствующего образования¹⁰; хронисты отмечают точность своей хронологии¹¹.

С другой стороны, из одного фрагмента Евнапия нам известно, что историки считали такую чрезмерно точную хронологию излишней, потому что точные временные данные еще не доказывают достоверности события¹².

О том, что пропасть между историографией и хрониками все же не была непреодолимой, свидетельствует то обстоятельство, что историки использовали в качестве источников хроники и наоборот¹³, а также, например, то, что в хронике Пселла происходит сознательное смешение этих двух жанров¹⁴.

2. АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЦЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одно из главных отличий византийской историографии от хроник — связь историографии с античной традицией¹⁵. Если хроники придерживались римско-христианской традиции и последовательно игнорировали античную Грецию, византийская историография с самого начала следовала традициям Геродота и Фукидида не только в плане языковом, но и в смысле концепции произведений.

Теории историографии византийцы учились у Полибия, который подчеркивал дидактические цели историографии, необходимость писать только правдиво, отмечал различие между ее целями и целями трагедии, видел ее обязанность в том, чтобы исследовать причинные связи¹⁶, а также

¹ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 219—408.

² Beck H.-G. Zur byzantinischen Mönchschronik. — Speculum historiale, Freiburg, 1963, S. 188—197.

³ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978, I, S. 243—504.

⁴ См.: ТМ, 1979, 7, p. 223—301.

⁵ Дело касается, например, символического предвосхищения событий Нового завета в Ветхом завете. Закрытая система, начинающаяся обещанием спасения и кончающаяся Воскресением, позволяет создать связь между временем и событием и вскрыть более глубокий смысл такой связи. В этом же смысле авторы хроник предполагали наличие аналогичной связи между временем и событием также и в открытой системе — от Воскресения до второго пришествия Христа, более глубокий смысл которой все же остается скрытым. Однако именно предполагаемое существование такой более глубокой связи привело авторов хроник к точному указанию времени и событий, казавшихся незначительными в историческом отношении. См.: ТМ, 1979, 7, p. 226—227, 288—290.

⁶ Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв. — В кн.: Античность и Византия. М.: Наука, 1975, с. 203—217. Хронист Феофан подчеркивает, что он перенял все свои сведения от прежних историков и хронистов, ничего к ним не добавив. В его произведениях мало авторских вступлений, причем они носят совершенно объективный характер. Феофан остается на грани анонимности, отмежевываясь от авторства. См. также сопоставление Хронографии Пселла и Скилицы в кн.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978, с. 185—203.

⁷ Theophanis Chronographia / Rec. C. De Boor. Lipsiae, 1883 (далее — Theoph.), I, 3: πολλοὺς τε χρονγράφους καὶ ιστοριογράφους ἀναγνοῦς; Constantini Manassis Breviarium historiae metricum / Rec. I. Bikkerus. Bonnae, 1837 (далее — Manass.), p. 21: πολλῶν ιστοροράντων καὶ χρονογράφων.

⁸ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973 (далее — Scyl.), I, p. 4: λυσιτελεῖν οὐ μικρὰ τὴν σύνοψιν τοῖς φιλοστοροῦσιν ἐλπίζαντες καὶ μάλιστα τοῖς τὸ ῥᾶστον τοῦ ἐπιπονωτέρου προστιθεμένοις... τοῦ βάρους τῶν ὑπομνημάτων ἐλευθεροῦσαν; Michaelis Glycae Annales / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836 (далее — Glyc.), p. 3—4.

⁹ Scyl., p. 4.

¹⁰ Sathas K. N. Μεσαιωνικὴ βιβλιοθήκη. Venetia — P., VII, p. 3—4: ἄτε δὴ τὴν λογικὴν αὐτῶν ἔξιν ὑπερβαίνοντων τῶν ἐν τοῖς γράμμασιν; сам он хочет писать кой-какие и сочинять.

¹¹ Theoph., I, 3: τοὺς τε χρόνους ἐν πολλῇ ἐξετάσει ἀκριβολογητέμενος καὶ τῆς τούτων διαφωνίας συμβιβάσας καὶ ἐπιδιορθώμενος; 4: ἐν τοῖς ἰδίους τόποις τετάχαμεν ἐκίστου χρόνου τὰς πράξεις... ἵνα εἰδέναι ἔχωσιν οἱ ἀναγινώσκοντες ἐν ποίῳ χρόνῳ ἐκάστου βασιλέως ποῖα πράξεις γέγοναν; Manass., 10—11; καὶ τίνες ἦρξαν ἀπ' ἀρχῆς καὶ μέχρι ποῦ προήλθον καὶ τίνων ἐβασίλευσαν, ἐτῶν δὲ μέχρις ὧν.

¹² Dindorf L. Historici Graeci Minores. Lipsiae, 1870, I, frg. 1: τέλος ιστορίας καὶ σκοπὸς ἁριστος τὰ πραχθέντα ὅτι μάλιστα διχα τινὸς πίδους ἐς τὸ ἀληθὲς ἀναφέροντα γράφειν, οἱ δὲ ἀκριβεῖς λογισμοὶ τῶν χρόνων, ὥσπερ ἄλλοι μάρτυρες αὐτομάτως ἐπιτελούντες ἐς ταῦτα ὠφελούσιν οὐδὲν... (Θουκυδίδης) ἐπὶ τὰς ἡμέρας ἐλθὼν ὑποδηλοῖ καὶ παραδείκνυσιν ὅτι κενῆτις που καὶ ἀχρεῖος ἡ περὶ τοὺς χρόνους διατριβὴ καὶ σχολή.

¹³ См. примеч. 6.

¹⁴ Любарский Я. Н. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла. — ВВ, 1971, 31, с. 23—37. Еще Дионисий Галикарнасский объяснял себя сторонником теории смешанного жанра, см.: Мюллер Т. А. Михаил Пселл и Дионисий Галикарнасский. — В кн.: Античность и Византия. М., с. 140—174.

¹⁵ Moravcsik G. Klassizismus in der byzantinischen Geschichtsschreibung. — In: Polychronion: Festschrift Franz. Dölger. Heidelberg, 1966, S. 366—377; Jeffreys E. M. The attitudes of Byzantine chroniclers towards ancient history. — Byz., 1979, 49, p. 199—238.

¹⁶ См. соответственно: Polyb., I, 1, 2; I, 14, 4; II, 56, 10—12, 13, 16; III, 31, 12; III, 32, 6.

у Дионисия Галикарнасского, обращаясь к его мыслям, высказанным в *Ῥωμαϊκὴ ἀρχαιολογία* и *Περὶ Θουκυδίδου*. В соответствии с этими принципами историк должен выбрать один важный период и тему (*ὀπότεσις*), писать о событиях, лично им пережитых и потому известных ему *ἐξ ἐμπειρίας*, на основании автопсии или сообщений свидетелей; он не должен прибавлять ничего выдуманного (*μυθῶδες*) и писать для пользы (*πρὸς ὠφέλειαν*), а не для развлечения читателей (*γοητεία, ἀπάση*). История должна быть жрицей правды¹⁷; историк обязан писать без хулы и лести¹⁸ (так, как Фукидид восхваляет Фемистокла и Перикла), но может с похвалой отозваться о хороших примерах. Изложение должно быть связным и последовательным¹⁹.

Другим теоретиком историографии был Лукиан, оставивший нам не большое произведение *πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγραφεῖν*. Следуя правилу отмечать хорошие примеры и порицать плохие, историография во времена Лукиана оказалась в опасной близости к риторическому жанру *ἐγκώμιον* или *ἐπαινος* и *φῶγος*²⁰ и вообще к беллетристике²¹. В предисловиях, которыми византийские историки — по образцу античных — начинают свои произведения (Лукиан называет исторические произведения без предисловия *ἀκέραια σώματα*)²², они в основном повторяют требования Лукиана²³ в соответствии с принципом *ὅτα ὁφθαλμῶν ἀπιστότερα* — писать о том, что автору известно по автопсии, на основании собственного политического и военного опыта, строго придерживаться фактов действительности (*ὡς ἐπράχθη εἰπεῖν*), подвергать критическому рассмотрению данные устной традиции или источников. В особенности подчеркивается принцип абсолютной правдивости изложения²⁴, к которому мы еще вернемся в дальнейшем.

3. ОБЩИЕ МЕСТА (*τόποι*)

Одним из главных принципов классической византийской стилистики была, как известно, *μίμησις τῶν ἀρχαίων* — еще для Дионисия Галикарнасского Фукидид был *καλῶν τῆς ἱστορικῆς πραγμάτειας*, Перенимание словарного запаса и стиля и уважение к письменной традиции часто приводили византийских историков к заимствованию целого описания определенной ситуации (например, описание чумы, речь павших в бою и т. п.). Прокопий и Иоанн Кантакузин подражают стилю Фукидида²⁵. Так как византийские историки отождествляли чужие племена, с которыми им приходилось сталкиваться, с античными племенами, жившими в той же области, они, как правило, давали им античные названия (*Σκύθαι, Μύσοι, Πέρσαι*) или по крайней мере пользовались формулой *τὸ παλαιὸν ὀνομάζοντο... τανῶν δὲ καλοῦνται*, перенося на эти племена также и античную характеристику. Современная историческая критика показала, однако, что эти так называемые этнографические или новеллистические общие места являются в большинстве своем вполне достоверными, хотя и облачают рассказ о современных событиях в античные одежды²⁶.

Предисловия византийских историков²⁷, в которых излагаются их теоретические принципы, надо рассматривать обращаясь к тому же критическому методу, что и в случае с историческими предисловиями. Византийские историографические предисловия также носят характер общих мест, но это всегда означает, что автор не придерживается программы, которую они отражают. Ведь целый ряд элементов, использовавшихся историками эллинистической эпохи, и особенно историками второй софистики, находился на переднем плане византийской культурной и литературно-теоретической программы.

Наряду с позднеантичными образцами все более усиливающееся влияние риторики было одним из главных факторов, способствовавших тому, что сжатые вводные фразы Геродота, который подчеркивал необходимость установления причинной связи между крупными историческими событиями и необходимость сохранения их в памяти (Геродот, I, 1), и Фукидида, указывавшего также на необходимость исторической критики в интересах правды (Фукидид, I, 20—21), во многих случаях разрослись в сравнительно

обширные и риторически разукрашенные трактаты (например, у Теофилакта Симокатты таким является диалог Истории с Философией).

Что касается дидактических тенденций византийской литературы ²⁸, то необходимо отметить, что в предисловиях подчеркивается парадигматическое и воспитательное значение письменного отражения хороших и плохих примеров (Агафий, Теофилакт Симокатта, Михаил Атталиат, Евстафий) ²⁹, важность этих произведений для быстрой передачи опыта старшего поколения младшему, влияние которое оказывает на действия военачальников и политиков (Агафий, Генесий, Михаил Атталиат, Никита Хониат, Никифор Григора, Георгий Акрополит) ³⁰, и даже роль в прогностике — путем извлечения опыта из известных аналогичных ситуаций (Прокопий, Георгий Пахимер, Никифор Григора) ³¹.

Усиленно подчеркивается способность исторического произведения оживлять прошлое, придавать бессмертие прошлому и настоящему ³²; эта идея выходит на передний план в тех произведениях, которые авторы посвящают памяти членов своей семьи, т. е. в произведениях Никифора Вриенния и Анны Комнины ³³.

¹⁷ *Dion. Hal.* Περὶ Θουκυδίδου, 8; ἀληθεία ἥς ἱέρειαν εἶναι τὴν ἱστορίαν βουλόμεθα.

¹⁸ *Ibid.*: καθάραν τὴν προαίρεσιν ἀπὸ παντὸς φθόνου καὶ πάσης κολακείας φυλάττων.

¹⁹ *Ibid.*, 7, 9; εἰρομένη καὶ ἀπερίσπαστος.

²⁰ *Lucian.*, *De hist. conscr.*, 9: ἀγνοῦντες ὡς οὐ στενῶ τῷ ἰσθμῷ διώρισται... ἡ ἱστορία πρὸς τὸ ἐγκώμιον.

²¹ *Ibid.*, 8: ποιητικῆς μὲν καὶ ποιημάτων ἄλλαι ὑποσχέσεις καὶ κανόνες ἴδιοι, ἱστορίας δὲ ἄλλοι ἐκεῖ μὲν γὰρ ἀκρατῆς ἐλευθερίας καὶ νόμος εἷς· τὸ δόξαν τῷ ποιητῇ; 8: ὑπέρμεγα τοῦτο κακόν, εἰ μὴ εἰδείη τις χωρίζειν τὰ ἱστορίας καὶ τὰ ποιητικῆς, ἀλλ' ἐπεισάγει τῇ ἱστορίᾳ... τὸν μῦθον καὶ τὸ ἐγκώμιον; 8: οἱ δὲ οἴονται καλῶς διαίρειν εἰς δύο τὴν ἱστορίαν, εἰς τὸ τερπνόν καὶ χρήσιμον... 9: ἐν γὰρ ἔργον ἱστορίας καὶ τέλος, τὸ χρήσιμον, ὅσπερ ἐκ τοῦ ἀληθοῦς μόνον συνάγεται... 9: ἐν γὰρ τοῦτο ἴδιον ἱστορίας καὶ μόνῃ θυτέον τῇ ἀληθείᾳ.

²² *Ibid.*, 23.

²³ *Ibid.*, 25, 34, 37, 39, 41, 47.

²⁴ Этот «принцип правдивости» стал настолько постоянным компонентом предисловий, что Лукиан приводит его в «обращенном» виде в произведении «'Алθθής ἱστορία», которое я поэтому рассматриваю не только как пародию на современный роман с приключениями, а скорее, как пародию на исторические произведения, в которых был нарушен «принцип правдивости» и которые вышли за рамки жанра; ср.: *Lucian.*, *Vera hist.*, I, 4: γράφω τοῖνον περὶ ὧν μῆτε εἶδον μῆτε ἐπαθον μῆτε παρ' ἄλλων ἐπυθόμην; II, 4: наиболее суровым наказаниям в потустороннем мире подвергаются οἱ μὴ τ' ἀληθῆ συγγεγραφοῦτες, среди которых находятся и Ктесий, и Геродот.

²⁵ На это указывал еще Лукиан (*De hist. conscr.*, 25, 27).

²⁶ Ср.: *Moravcsik Gy.* Op. cit., S. 372—377; *Benedicty R.* Prokopios' Berichte über die slavische Vorzeit: Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia. — *JÖBG*, 1965, 14, S. 51—78.

²⁷ См.: *Lieberich H.* Zu den Prooimien in der griechischen und byzantinischen Geschichtsschreibung. I. Die griechischen Geschichtsschreiber; II. Die byzantinischen Geschichtsschreiber. — *Programm des k. Reelgymn. München*, 1898—1900.

²⁸ Ср.: *Dostálova R.* Zur Entwicklung der Literärästhetik in Byzanz von Gregorios von Nazianz zu Eustathios. — In: *Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9.—11. Jahrhundert*. Praha, 1978, S. 154.

²⁹ *Agathias* (Bonn), p. 5, 29; *Theophyl. Simokattes* (Bonn), p. 27: τὸ τῆς ἱστορίας... πολυπειρότατον... τῇ ψυχῇ παιδευτήριον; 28: (ἱστορία) κοινὴ ἀπάντων ἀνθρώπων διδασκαλος; *Mich. Attal.* (Bonn), p. 7: τὸ τῆς ἱστορίας χρῆμα χρήσιμον τῷ; 7—8: ταῦσα διὰ τῆς ἱστορίας ἀπογυμνομένα... διδασκαλία σαφής... πρὸς μίμησιν ἔλκοντα; *Eustathios* (ed. Kyriakidis), p. 4: κατὰ μέθοδον διδασκαλικήν.

³⁰ *Theophyl. Simokattes* (Bonn), p. 28: τῇ πολυσπειρίᾳ πολιοῦσά πως τὸν νεώτερον καὶ προσφάνουσα τοῦ χρόνου τὰ κατ' ὀλίγον μαθήματα; *Genesios* (Bonn), p. 3: πρὸς τι λυσιστελῆς τοῖς μετέπειτα; *Mich. Attal.* (Bonn), p. 7; *Nic. Chon.* (Bonn), p. 4: κοινωφέλες τι χρῆμα τῷ βίῳ; *Georg. Akropol.* (Bonn), p. 4: καινότερων ἡμῖν προκειμένων πραγμάτων... καινότερον συμβαίνει εἶναι τὸ ὠφέλιμον.

³¹ *Procop.*, I, 1, 4: εἰ ποτε καὶ αὐτὸς ὁ χρόνος ἐς ὅποιαν τινα τοὺς ἀνθρώπους ἀνάγκη διάδοιτο...; I, 1, 5: αἰνισσομένη δὲ ὅποιαν τιὰ τελευτήν... τὰ παρόντα ἔξει; *Pachymeres* (Bonn), p. 13: ἐκ τῶν παρόντων καὶ τὰ ἐσαῦθι στοχαζομένων... ἐκ τῶν συμβάντων λογιζομένων τὰ συμβεβημένα; *Niceph. Gregoras* (Bonn), p. 5: историческое произведение делает из читателѣй профѣτας... ἐκ τῶν φθασάντων στοχαζομένων τὰ μέλλοντα.

³² *Agathias* (Bonn), p. 4—5; *Nic. Chon.* (Bonn), p. 5: βίβλος ζώντων ἡ ἱστορία; *Pachymeres* (Bonn), p. 12; *Niceph. Gregoras* (Bonn), p. 3: τοῖς... τοὺς βίου διὰ τῆς ἱστορίας ἀθανατίζουσι... ἱστορία, ζῶσα τε καὶ λαλοῦσα φωνὴ διαπερᾶ τὸν αἰῶνα.

³³ *Niceph. Bryennios* (ed. Gautier), p. 73; *Anna Komnena* (Bonn), p. 4.

Последний мотив приводит нас к главной теме, появляющейся во всех без исключения предисловиях, а именно к мысли о достоверной и абсолютной беспристрастности произведения.

4. МОТИВ ДОСТОВЕРНОСТИ И ВОПРОС ОБЪЕКТИВНОСТИ

Декларация принципа достоверности часто провозглашается в тексте рядом с определением характерных признаков, отличающих прозу от поэзии и отдельные виды прозы друг от друга. Мы это уже видели у Лукиана³⁴. Так, по Прокопию, риторика характеризует *δεινότης*, поэзию *μυθοποιία*, историю *ἀλήθεια*; по Теофилакту Симокатте, результатом трудов поэтов являются *μυθολόγημα*, *πλάσμα*, *ψεῦδος*. Пселл и Анна Комнина подчеркивают отказ от жанра энкомия; различия между обоими жанрами и законами историографии касается Иоанн Мавропод в эпиграмме, в которой он обосновывает свой отказ от создания исторического труда, прямо упоминая закон (*νόμος*) историографии. Никита Хониат считает, что историография должна отказаться от *ῥητορικῆς δεινότητος καὶ ποιητικῆς λογοποιίας*, не выходить за пределы своей *φύσις* и впадать *εἰς μῦθον*³⁵. отождествление лжи (*ψεῦδος*) с поэтическим вымыслом содержится еще в платоновском «Государстве» (598—608 В); вполне вероятно, что и *ἀλήθεια* в первоначальном своем литературно-теоретическом смысле обозначала в связи с историографией «нечто подлинно свершившееся», будучи более или менее тождественна термину *ὡς ἐπράχθη*³⁶. Следовательно, в этом смысле слова она атрибут литературы факта в отличие от беллетристики³⁷. Позднее, конечно, этот термин понимался уже целиком в этическом смысле³⁸ и связывался с требованием, которое нашло свое отражение в известном изречении Тацита: *sine ira et studio*. Греческая версия этого изречения перешла от Полибия (I, 14, 4) и Дионисия Галикарнасского (Praef., 6 и *Περὶ Θουκυδίδου*, 8: *παντὸς φθόνου καὶ πάσης κολακείας φυλάττω*) через Лукиана (*De hist. conscr.* 41: *οὐ μίσει οὐδὲ φιλίᾳ τι νέμω*) к византийским историкам.

Гарантией этой «исторической правды» должно было служить свидетельство очевидца или личный опыт автора, т. е. своего рода «закон автопсии»³⁹. Лишь один византийский исторический памятник — принадлежащее Евстафию описание взятия Фессалоники норманнами в 1185 г. — рассматривает личное участие автора в историческом событии как недостаток, поскольку автор потом уже не может писать *ἀπαθῶς*⁴⁰. Хронист Скилица в своем предисловии также приходит к выводу, что историки, описывающие современные события, не могут оставаться беспристрастными⁴¹.

Византийские историки, несомненно, отдавали себе отчет в том, что педагогическое требование всячески акцентировать хорошие примеры создает для их произведений непосредственную опасность сближения с энкомиастикой, от которой они всегда ясно и определенно отмежевывались⁴². Анна Комнина подчеркивает, что она пишет во время правления третьего после ее отца императора, когда уже прекратилась лживая лесть, потому что люди всегда льстят лишь правящему императору, а о его предшественниках они говорят чистую правду⁴³.

Ф. Тиннефельд⁴⁴ подверг анализу приемы критики императоров в произведениях византийских историков, начиная с Прокопия и кончая Никитой Хониатом, и пришел к заключению, что византийская историография сравнительно объективна, но что византийские историки только в редких случаях способны дать верную характеристику отдельных императоров. Отталкиваясь от их суждений, необходимо учитывать то обстоятельство, что авторы, как правило, принижают значение предшественников правящих императоров или исчезнувших династий в пользу правящей династии. Такой подход подверг критике еще Агафий. Непосредственно критика в произведениях этих историков всегда относится к недавнему прошлому (исключение представляют лишь «*Anecdota*» Прокопия), однако сравнительно частой бывает косвенная или скрытая критика совре-

менности, например когда критикуются высшие должностные лица или вообще эпоха.

Так, Рубин обнаружил скрытую критику Юстиниана в произведении Прокопия «De bellis» еще до того, как она открыто была выражена в «Anecdota»⁴⁵. Атталиат относится критически ко всем историческим деятелям и императорам, кроме Никифора III Вотаниата, которому он посвящает свое произведение⁴⁶. Биография Константина X Дуки и Михаила VII, составленная Пселлом, приближается к энкомию, потому что Пселл пишет во время правления сына Константина Дуки Михаила; к остальным историческим лицам он относится критически⁴⁷. Поздняя византийская историография, такая, какой она предстает перед нами в произведениях Никиты Хониата, Георгия Акрополита, Пахимера, Дуки, по существу сопоставима с современной историографией⁴⁸.

Византийские историки опирались на источники — устную традицию или сведения, полученные от предшественников, — главным образом в вводных частях своих произведений, в которых дни описывают эпоху, ими самими не пережитую. К источникам они относятся критически. Некоторые из них используют даже иноязычные источники. Так, Агафий цитирует персидский архивный источник, которым он воспользовался через переводчика и который он считает более достоверным, чем отличающееся от него сообщение Прокопия⁴⁹. А. Кариле подверг анализу текст сочинения Никифора Вриенния в плане использованных им источников и показал, что даже небольшие видоизменения стиля источника могут иметь значения для полемики с ним автора более позднего времени и что Вриений изменял содержащуюся в источниках формулировку, так, чтобы она

³⁴ Ср. примеч. 20—21.

³⁵ Dindorf L. Op. cit. (Eunap.), frg. 1; Procop., I, 1, 5; Theophyl. Simokattes (Bonn), p. 27; Mich. Psellos (ed. Renaud), I, 119, 128 sq.; II, 146, 149; Ioannes Mauropus (ed. de Lagarde), ep. 96; термин *mûdos* представляет собой также одно из названий романа.

³⁶ Lucian. De hist. conscr., 39; Pachymeres (Bonn), p. 12; Сфрандзи (PG, 102, col. 6A), упоминая о своей крестной матери Томаис, говорит, что в соответствующем месте он расскажет о ней τ' ἀληθές. Имеются в виду сообщение о несчастье и предчувствие его. Это выражение может означать только «подлинное происшествие».

³⁷ Ср.: Lucian. De hist. conscr., 8; Thuc., I, 20—21; Polyb., II, 56, 10—12.

³⁸ О слиянии литературно-теоретических и эстетических понятий в Византии см.: Kustas G. L. The Literary Criticism of Photius. A Christian Definition of Stule. — 'Ελληνικά, 1962, 17, p. 142—152.

³⁹ Procop. I, 1, 5; Leo Diakonos, 5, 19; 65, 8; Mich. Attaleiates (Bonn), p. 8: ἡ οὐκ ἀκοῇ καὶ μύθοις ἐτέρων παρέλαβον, ἀλλ' ὡς αὐτὸς συνόπτης καὶ θεάτης ἐχορημάτισα; Ioannes Kinnamos (Bonn), p. 4—5; Anna Komnena (Bonn), II, p. 291—292; Nic. Chon. (Bonn), p. 5; Pachymeres (Bonn), p. 11: οὐ λόγους λαβὼν ἀνωθεν ἀμαρτόρους, οὐδ' ἀκοῇ πιστεύων μόνον... αὐτόπτης τὰ πλείστα... γεγονός ἢ καὶ μαθὼν ἀκριβῶς παρ' ὧν τὸ πρῶτον ὠράθη; p. 14; Niceph. Gregoras (Bonn), I, p. 11, 19; 13, 28; II, p. 571: τῶν μὲν γὰρ πλείστων αὐτοὶ παρόντες τε καὶ αὐτόπται γεγονάμεν. Ἄ δὲ μὴ αὐτοὶ παρόντες τεθεάμεθα καὶ ταῦτα δ' ἐξ αὐτῶν ἀκριβῶς ἡμῖν περὶληφέναι συμπέκτωκε τῶν πετραχόντων.

⁴⁰ Eustathios (ed. Kyriakidis), p. 3—4. Здесь автор делает различие между понятиями ἱστορεῖν (писать о прошедших временах) и συγγράφειν (писать о современности).

⁴¹ Ср. выше, примеч. 10.

⁴² Ср. Mich. Psellos (ed. Renaud), I, 119, 128 sq.; II, 146, 149; Ioannes Mauropus (ed. de Lagarde), ep. 96; Niceph. Bryennios (ed. Gautier), p. 73; Anna Komnena (Bonn), I, 5: τὰς ἐκείνου ('Αλεξίου) πράξεις προελομένη συγγράφειν, δέδοικα... μὴ ποτε λογίσαιτο τις... τὰ αὐτῆς ἐπαινεῖν; IV, 8: εἴθε γὰρ ἐλευθέρα ἦν τοῦ πάθους τούτου τοῦ πατρικοῦ καὶ ἀπόλυτος.

⁴³ Anna Komnena (Bonn), II, 291—292: ἐγὼ δὲ καὶ τὰ πολλὰ τούτων συνελεξάμην καὶ χράτιστα ἐπὶ τοῦ μετὰ ἐμὸν πατέρα τρίτου τὰ τῆς βασιλείας σκῆπτρα διέποντος, ὅτε καὶ πᾶσα κολακεία, καὶ ψεῦδος τῷ πάππῳ αὐτῷ συναπέρρευσε, πάντων τὸν ἐφιστάμενον μὲν θρόνον κολληουσύντων, πρὸς δὲ τὸν ἀπερρουηκότα μηδὲν τι μὲν θαπείας ἐνδεικνυμένων, γυμνὰ δὲ τὰ πράγματα διηγούμενων καὶ αὐτὰ λεγόντων ὥσπερ ἐσχῆχασιν.

⁴⁴ См.: Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. Von Prokop bis Niketas Choniates. München, 1971.

⁴⁵ Rubin B. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954, S. 78—81.

⁴⁶ Hunger H. Op. cit., I, S. 283.

⁴⁷ Любарский Я. Н. Указ. соч., с. 29.

⁴⁸ Hunger H. Op. cit., I, S. 441, 443, 445, 449, 492.

⁴⁹ Agathias (Bonn), p. 273—274.

соответствовала его представлениям о морали аристократического слоя, представителем которого он являлся⁵⁰. Следовательно, в случае критического использования текста источника такого рода изменения нельзя всегда оценивать как стилистический прием, а необходимо установить, не имеем ли мы в данном случае расхождений во взглядах двух авторов — более древнего и нового. Византийские историки выбирали из множества фактов те, что соответствовали их интересам, мировоззрению и представлениям того социального слоя, к которому они принадлежали. Умалчивание фактов вполне определенно допускалось некоторыми авторами: об этом говорят как Пселл, так и Пахимер⁵¹. Этим методом пользовался Иоанн Кантакузин.

Заслугой в первую очередь советских историков является критический подход к памятникам византийской историографии на основе анализа мировоззрения отдельных авторов начиная с IV в. и вплоть до падения Константинополя⁵².

5. КОМПОЗИЦИЯ

Авторы произведений византийской историографии наряду с собственно историческими задачами ставили перед собой также и художественные цели как этого требовали еще некоторые теоретики и историки литературы античного периода⁵³. Хотя эти авторы совершенно определенно отмежевываются от беллетристических и поэтических жанров, они все же хотят не только поучать, но и развлекать своих читателей. Историография приближается к поэзии у Агафия⁵⁴, к новеллистике у Феофилакта⁵⁵, который подчеркивал, что историческое повествование должно также радовать читателей — человек любит рассказы о необычных приключениях (*τὸ παράδοξον*). Евстафий подчеркивает, что он, лично переживший трагическое событие, не может свой рассказ о взятии Фессалоники представить в такой художественной форме, в какой это может сделать беспристрастный историк, и в качестве элементов этой художественной формы он упоминает стиль, экфразу и парадокс⁵⁶. Никифор Григора сам испытывает удовольствие от работы над своим историческим произведением из-за разнообразия (*τὸ πολυειδές, τὸ ποικίλον*) изображаемых событий⁵⁷. Прокопий назвал 8-ю книгу своей «Истории» *ἱστορία ποικίλη*⁵⁸, Михаил Атталиат отзывался о своем произведении как о *βιβλος ποικίλη*⁵⁹.

То, что византийцы так увлекались необычными происшествиями (парадокс, экплексис) и пестротой изображения (*ποικιλία*), обогатило византийскую историографию многочисленными географическими, мифологическими и этнографическими экскурсами, которые в свою очередь расширяют наши представления о народах и племенах, не имевших в ту пору еще собственной письменной истории. Разнообразие в композицию вносит также включение выдуманных посланий и речей, разработанных по всем правилам византийской риторики⁶⁰. Авторы иногда извиняются за увлечение экскурсами⁶¹, нарушавшими правило о сжатости и временной последовательности повествования⁶² (*ὁ εἶρμος, ὁ ὅλος, ἡ ἀρμονία*).

Сохранившиеся произведения византийской историографии не представляют собой единого жанра. По-видимому, для точного обозначения произведения, описывающего современную историю, служит термин *συγγραφή*⁶³; в большинстве случаев произведения носят название *ἱστορία* (Феофилакт, Лев Диякон, Михаил Атталиат, Никифор Вриенний, Никифор Григора, Иоанн Кантакузин, Лаоник Халкокондил), потому что они не касаются одной только эпохи, современной автору, но включают также часть прошлого. Необходимо, конечно, учесть, что название рукописи не всегда идет непосредственно от автора. Например, Хронографией Пселл свой труд в большинстве случаев называет *ἱστορία*., используя термин *χρονογραφία* только в одном месте. Как особый жанр выступают также мемуары (Пселл, Иоанн Кантакузин), биографии (Константин Багрянородный, Пселл), исторический памфлет («Тайная история» Прокопия), историческая монография (Евстафий, Иоанн Каминиат), историческая энци-

клопедия (Константин Багрянородный); между биографией и эпической прозой стоят произведения Никифора Вриенния и Анны Комнины. Пользуясь этими византийскими источниками, следует всегда иметь в виду их жанровую специфику.

6. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО

Принцип, по которому историю следует писать лишь на основании автопсии или в крайнем случае устных сообщений очевидцев, определил византийский историографический естественные границы. Авторы либо изображают только время, пережитое ими самими, и в таком случае обычно начинают с той поры, когда им было 17 с половиной — 19 с половиной лет [в пределах от 9 лет (Лев Диакон) до 41 года (Критовул)], либо описывают период до своего рождения, составляющий в среднем 49 с половиной лет [в пределах от 12 лет до рождения (Никифор Вриенний, Сфрандзи) ⁶⁴ и до

⁵⁰ Carile A. La 'Υλη ιστορίας del Cesare Niceforo Briennio. — *Aevum*, 1969, 43, p. 56—87.

⁵¹ См.: Mich. Psellus (ed. Renauld), I, 128; Pachymeres (Bonn), p. 12—13: νικᾷ κατ' ἐμὴν γνώμην τὸ σιωπᾶν τὸ λέγειν ἄλλως ἢ ὡς ἐπράχθησαν καὶ κρεῖττον δῆπου τοῖς ἀκούουσι τὸ μὴ μαρθάνειν ἢ τὸ μαρθάνειν ἄλλως ἢ ὡς ἦ ὄντως ἱστορία βούλεται.

⁵² См.: Удалцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии: (По данным историков IV—VII вв.). М., 1974; Она же. К вопросу о социально-политических взглядах византийского историка XV в. Критовула — ВВ, 1957, 12; с. 172—197; Любарский Я. Н. Мировоззрение Анны Комнины. — Уз Великолукского пединститута, 1964, вып. 24, с. 152—176; Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила: (Опыт литературной характеристики). — ВВ, 1957, 12, с. 203—217; Она же. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV века Лаоника Халкокондила. — Вестн. МГУ. Ист. науки, 1960, 1, с. 43—49; Красавина С. К. Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки. — ВВ, 1973, 34, с. 97—111.

⁵³ Polyb., I, 4, 11: τὸ χρήσιμον καὶ τερπνόν; Dion. Hal. 'Ρωμαϊκὴ ἀρχαιολογία, предисловие, I, 2: ὑπόθεσις должна быть καλὴ, μεγαλοπρεπὴς καὶ πολλοὶς ωφέλιμος; Lucian. De hist. conscr., 8: οἱ δὲ οἰοῦνται καλῶς διαίρειν ἐς δύο τὴν ἱστορίαν εἰς τὸ τερπνόν καὶ τὸ χρήσιμον.

⁵⁴ Agathias (Bonn), p. 8.

⁵⁵ Theophyl. Simokattes (Bonn), p. 27—28. В качестве примера он приводит рассказ Одиссея на пиру к Алкиноя. Этот пир он сравнивает с θέατρον, что в позднеантичную и византийскую эпоху означало собрание слушателей, присутствующих при декламации риторического художественного произведения — как правило, речи. Он отдавал себе отчет, в том, что τὰς τῶν ἀνθρώπων ψυχὰς φιλοίστορας καὶ πρὸς μάθειν ὀργώσας αἰεὶ καὶ ξενῶν διφώσας διηγημάτων.

⁵⁶ Eustathios (ed. Kyriakidis), p. 3—4.

⁵⁷ Niceph. Gregoras (Bonn), II, 576 (XII, 1).

⁵⁸ Procop., VIII, 1, 2; ср.: Gantar K. Bemerkungen zu Prokops Kriegsgeschichte. — Živa antika, 1962, 12, S. 360—363.

⁵⁹ Mich. Attaleiates (Bonn), p. 5—6: συνεπιπλέξας καὶ φυσικὰς τινὰς τεχνολογίας καὶ ζῶων ἰδέας ἀναφανείσας τοῖς τότε καιροῖς καὶ ἀπλῶς ποικίλῃν τινα βίβλον... ἀποτερματίας; Григор [Niceph. Gregoras (Bonn), p. 9] критикует авторов, желающих ἐκπλήττειν своих читателей.

⁶⁰ Niceph. Gregoras (Bonn), II, 641, 8—18: ἐντεῦθεν χρῆναι σαφεστέραν τὴν τῶν ἱστορουμένων προσώπων καὶ πραγμάτων γένεσθαι δῆλωσιν διὰ τῶν τοιοῦτων... ἀλλὰ καὶ ὅτι σκιαγραφία τίς ἐστί τῶν πράξεων ὁ λόγος; ср. также: Lucian. De hist. conscr., 58; Феофилакт Симокатта [Theophyl. Simokattes (Bonn), p. 136 (III, 11)] утверждает, что он не подверг обработке вставленную им в повествование речь Юстиниана: οὐ καλόνων τὸ τῆς λέξεως ἀλλὰ οὐδὲ τι μεταμορφῶν τὸ μὴ καλλιειρημένον τῆς φράσεως.

⁶¹ Agathias (Bonn), p. 29.

⁶² Lucian. De hist. conscr., 55: τὸ πρῶτον ἐξεργασάμενος ἐπάξει τὸ δεύτερον ἐχόμενον αὐτοῦ καὶ ἀλῦσεως τρόπον συνηρμοσμένον... ὡς μὴ διηγήσεις πολλὰς εἶναι ἀλλήλαις παρακειμένας; Niceph. Bryennios (ed. Gautier), p. 87; ὁ λόγος ἐχέσθω τῆς ἀρχῆθεν ἀκολουθίας... καθ' εἶρμον προβαίνων; Nic. Chon. (Bonn), p. 7: ὁ λόγος... τρόπον τινὰ ὅλκω εἰκάζοντο ρέυματος ἐκ μίας πηγῆς; Niceph. Gregoras (Bonn), II, 576 (XII, 1): ἐπαναχτέον τοῖνον τὸν λόγον εἰς ἀρμονίαν μάλα γε τοι τῷ τῆς ἱστορίας ὅλῳ προσήκουσαν σώματι.

⁶³ Это слово значит также «живопись»; небезынтересно, что византийские авторы иногда сравнивают историческое произведение с картиной, требующей абсолютной точности, см.: Dindorf L. Op. cit., Eunap., fr. 57; Niceph. Gregoras (Bonn), I, 11, 4—5. К вопросу о жанре см.: Любарский Я. Н. Михаил Пселл, с. 185—203.

⁶⁴ Ср.: Nic. Chon. (Bonn), p. 5: τὰ τοῖς κατ' ἐμὲ χρόνοις γεγεννημένα κατ' ἀνόπιν ἐπὶ βραχύ.

125 лет до рождения (Лаоник Халкокондил)], описываемый период в среднем охватывает 63 года (от 6 лет у Агафия до 165 лет у Лаоника Халкокондила), т. е. они, как правило, располагают сведениями не далее времени жизни своих дедов. Однако основное внимание в произведении почти всегда принадлежит той эпохе, которую они сами пережили, причем сочинения отдельных историков часто сознательно связаны одно с другим.

Что касается отношения к хронологическим данным, то современная критика часто обнаруживала у византийских историков отсутствие интереса к хронологии и пренебрежение ею. Зосим приводит за период в 400 лет лишь 17 консульских и 9 императорских дат; во всем его сочинении есть только одна точная дата⁶⁵. Неточные временные данные были отмечены у Прокопия, Никифора Вриенния (хронологию которого можно установить только с помощью других источников и относительной хронологии в самом произведении). Выражение *βραχὺς χρόνος, οὐ σπυχνὸς καιρὸς* может у него означать как несколько недель, так и два года⁶⁶. Полностью отсутствуют хронологические данные у Лаоника Халкокондила⁶⁷. Пселл хронологическую последовательность событий заменяет ассоциативным объединением эпизодов; в его произведениях время относится скорее к изменяющемуся характеру протагонистов, чем к историческому событию⁶⁸.

Такой подход, наблюдаемый у целого ряда историков, не может быть случайным и, по-видимому, связан с дидактическими принципами византийской историографии и наблюдаемой в византийской литературе тенденцией к обобщению⁶⁹. Хорошие или плохие поступки исторических деятелей должны были служить в качестве положительных или отрицательных примеров для подражания; с этой точки зрения точное указание времени не играло роли⁷⁰. Точные временные данные содержатся только у Иоанна Кантакузина, произведения которого, очевидно, основаны на дневнике автора.

В византийской историографии в отличие от хроник не отражено линейное христианское понимание времени: от сотворения мира через рождение и страдания Христа к его второму пришествию и спасению⁷¹. В исторических сочинениях встречается и античное, циклическое понятие постоянно возвращающегося «времени»⁷² — у Георгия Пахимера⁷³ и у авторов, описывающих падение Византии⁷⁴.

Закон автопсии, естественно, определял также и пространство, которое историки могли включить в свои произведения. Оно в значительной степени связано было с их личным опытом и ограничено горизонтом византийского двора. С другой стороны, однако, это пространство могло быть расширено благодаря активному участию автора в военных походах, как это было, например, с Прокопием. Исключением является Лаоник Халкокондил с его обширным «геродотовскими» экскурсами, охватывающими также Западную Европу. Топографические и географические данные, приводимые византийскими авторами, считаются сравнительно точными (хотя они иногда и облачены в античные одежды) не только с точки зрения названий, но и в отношении других сведений, взятых у античных авторов. Интерес к топографии проявлялся особенно у тех писателей, кто обладал военным опытом⁷⁵.

7. ПРИНЦИП КАУЗАЛЬНОСТИ

Еще Геродот в вводной фразе к своей «Истории» сформулировал в качестве одного из пунктов своей исторической программы установление причинных связей (I, 1: *δι' ἣν αἰτίαν ἐπολέμῃσαν*). Полибий также подчеркивал, что без знания причинных связей между событиями и поведением отдельных лиц никто не мог бы ни учиться у истории, ни правильно оценивать события⁷⁶. Если историк не стремится ответить на вопросы «почему», «как» и «ради чего», его произведения остаются всего лишь увлекательным чтением.

Такого же принципа придерживались и византийские историки. Феофилакт заявляет, что «тело» истории остается глухим и пустым, если оно

не содержит причин действия⁷⁷. Михаил Атталиат хочет описать события, имевшие место во время победоносных и проигранных войн, доискиваясь по мере возможности их причин; установление причинных связей он рассматривает как важнейшую цель, стоящую перед историком⁷⁸.

Правда, античные историки, помимо обычных причинных связей, писали и о сверхъестественной каузальности: ὕβρις человека противостоял геродотовский φθόνος θεῶν: в эллинистическую и позднеантичную эпоху люди выступали как игрушки не поддающейся предвидению τύχη.

8. БОЖЕСТВЕННОЕ ПРОВИДЕНИЕ (πρόνοια) И РОЛЬ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ

Византийские историки, как и всякий человек, живший в средние века, сталкивались с необходимостью решить вопрос о роли человека в исторических событиях в связи с догматом о всемогуществе божества и божественном провидении⁷⁹. Принципы, которых следует придерживаться при решении этого вопроса восточным христианам, были сформулированы Иоанном Дамаскином⁸⁰.

Для византийских историков эта проблема была тем труднее (по крайней мере, с формальной точки зрения), что они строго придерживались классических форм, пользовались языковыми средствами античности и не знали августиновской антиномии между *civitas terrena* и *civitas Dei*: именно Византийская империя была для них совершенным воплощением небесного Иерусалима.

Всеми византийскими учеными признавалось в духе христианского учения, что миром управляет божественное провидение — πρόνοια⁸¹.

В то же время христианство отрицает детерминизм, оставляя воле человека (по Иоанну Дамаскину) сравнительно широкое поле деятель-

⁶⁵ Ridley R. T. Zosimus the historian. — BZ, 1972, 65, p. 288—289.

⁶⁶ Rubin B. Op. cit., S. 82—83; Carile A. Op. cit., p. 237—238.

⁶⁷ Веселаго Е. Б. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила, с. 203—217.

⁶⁸ Любарский Я. Н. О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла, с. 30—35; Он же. Михаил Пселл, с. 192—196. Автор говорит о «хронологии характера героя».

⁶⁹ См.: Dostálova R. Op. cit., S. 156; ср.: Ridley R. T. Op. cit., p. 292: Зосим часто пользовался неопределенными местоимениями даже в тех случаях, когда он мог привести точные данные (К. Свобода) (Svoboda K. Quelques observations sur la méthode historique de Michel Psellos. — Известия на Българското историческо дружество, 1940, XVI/XVIII, p. 385) считает, что стремление к обобщению проявляется под влиянием правил риторики, по которым данные или описание общего характера соответствует возвышенному стилю; см. также: Rubin B. Op. cit., S. 82.

⁷⁰ См. также: Dindorf L. Op. cit.; Eunapios, fr. 1: ἐσχάτος ὅρος τῶν περὶ τὴν ἱστορίαν καλῶν τὸ πολλῶν καὶ ἀπείρων πραγμάτων ἐν ὀλίγῳ χρόνῳ καὶ διὰ βραχείας ἀναγνώσεως πεῖραν λαβεῖν καὶ γενέσθαι γέροντας ἐτι νέους ὄντας δι' ἐπιστήμην προγονότων... ὑποδηλοῖ καὶ παραδείκνυσιν, ὅτι κενὴ τις που καὶ ἄχρειος ἡ περὶ τοὺς διατριβὴ καὶ σχολή.

⁷¹ Ср.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 99—101.

⁷² Menandros. De sent., fr. 30; Theophyl. Simokattes (Bonn), p. 130, 15—23 (III, 8).

⁷³ Georgios Pachymeres (Bonn), p. 12.

⁷⁴ Dukas (ed. Grecu), p. 163, 6; Critobul din Imbros (ed. Grecu), p. 37, 23—28; 155, 3—7; Laon. Chalkokondyles, I, 26.

⁷⁵ См.: Carile A. Op. cit., p. 238.

⁷⁶ Polyb., II, 56, 13, 16; III, 31, 12: ἱστορίας γὰρ εἰν ἀφ' ἧς τις τὸ διὰ τί καὶ πῶς τίνος χάριν ἐπράχθη τὸ πραχθέν... παραυτίκα μὲν τέρπει, πρὸς δὲ τὸ μέλλον οὐδὲν ὠφελεῖ τὸ παράπαν.

⁷⁷ Theophyl. Simokattes (Bonn), p. 167, 18—168, 4.

⁷⁸ Mich. Attal., p. 5, 9; Ibid., 8, 13—15; 103, 10; 194, 1—9; 198, 1—8.

⁷⁹ Augustinus. De civitate Dei, II, 9—11; Retract., I, 1, 2; PG, 94, col. 960: περὶ τοῦ διὰ ποίαν αἰτίαν αὐτεξούσιοι γεγόναμεν; col. 964: περὶ προνοίας; col. 969: χρή γινώσκειν, ὡς πάντα μὲν προγινώσκει ὁ Θεός, οὐ πάντα δὲ προορίζει... Προγινώσκει γὰρ τὰ ἐφ' ἡμῶν, οὐ προορίζει δὲ αὐτά, προορίζει δὲ τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῶν κατὰ τὴν πρόγνωσιν αὐτοῦ. О проблеме детерминизма и свободы воли в православии см.: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. М.: Наука, 1976, с. 104—107.

⁸⁰ PG, 94, col. 969.

⁸¹ Это слово приобрело значение «божественного провидения» еще со времени Плутарха. По Зосиму, ходом событий в жизни людей управляет τύχη или божественная πρόνοια.

ности. Следовательно, различия между отдельными историками заключались только в том значении, которое они придавали либо вмешательству божественного провидения, либо возможностям человека.

У византийских историков раннего периода для решения этой проблемы еще не было никаких христианских образцов, потому что Евсевий и его последователи писали только церковную историю. Понятие божественного провидения у них иногда сливается с античной *τύχη*, хотя *τύχη*, *τὸ θεῖον*, *τὸ κρείττον* представляют собой лишь классические эквиваленты христианского термина *θεῖα πρόνοια* или *θεός*. У Прокопия еще наблюдается колебание между античным пониманием случайности и христианским пониманием божественного провидения (II, 10, 4), его удивляет иррациональный характер исторических событий и он считает, что все происходит *κατὰ λόγον*. Агафий же придерживается уже последовательных христианских позиций — намерением божества является поддержка права и наказание за злые деяния (*ἀδικία, ἀνομία, ὕβρις*)⁸². Такое совпадение процветания отдельной личности и всего общества, связанное с нравственным состоянием, встречается еще у Полибия и Саллюстия; его подчеркивает и последний языческий историк Зосим⁸³, говоря о старых римских богах.

В средневизантийский период появляются тенденции, признающие за человеком более значительную роль в исторических событиях⁸⁴. Феофилакт прославляет силу человеческого разума⁸⁵, который в состоянии усовершенствовать даже недостатки природы. Атталиат признает за человеком право на познание несмотря на то, что человек не может познать подлинную правду (*τὸ ὄν ἀληθές*) и должен довольствоваться признанием того, что всем управляют божественный разум и воля⁸⁶. Пселл придерживается мнения, что человек благодаря своим заслугам может влиять на собственную судьбу; он и влияет на нее, если действует в соответствии с божественным провидением⁸⁷. Эта синергистическая теория особенно явно обнаруживается в XII в. у тех авторов, которые представляют историографию родовых аристократий, делающей упор на деятельность сильных и способных личностей. Алексей у Никифора Вриенния подчеркивает, что он достиг успеха благодаря своим *σπουδῇ, καρτερία, τολμή*, которые сочетались с *ἀνθεὺν πρόνοια*⁸⁸; Вриенний придает большое значение творчеству человека, исходя из своего аристократического понимания истории. Путем анализа метафоры «корабль, сотрясаемый бурей» у Никиты Хониата и Никифора Григоры были показаны отличия этих двух авторов друг от друга в том, какое значение они придают действию провидения⁹⁰. Хониат оставляет больше простора свободной деятельности человека, но в метафорической системе, воодушевленной эмоциональным подсознанием, его скепсис проявляется сильнее, чем в формально понимаемых антидетерминистических догматах. Взятие Царьграда крестоносцами окрасило его взгляды на историческое развитие пессимизмом. У Никифора Григоры, отличавшегося более глубокими богословскими интересами, метафоры являются выражением известного исторического оптимизма, основывавшегося на том, что успех и неудача чередуются в зависимости от божественного плана, который человеческий разум не в состоянии постичь⁹¹.

Упадок Византии в XIV—XV вв. привел к пессимистическому взгляду на историю — для вмешательства человека не остается больше места, во всем господствует непостоянство. У Пахимера понимание провидения приближается к античному пониманию *τύχη* и рока (*τὸ εἰμαρμένον, τὸ μόριμον, τὸ μέλλον γενέσθαι*). Григора критиковал Иоанна Кантакузина, обвиняя его в детерминизме, в том, что у него миром управляет *τὸ αὐτόματον*. Сфрандзи и Дука все еще придерживаются богословской концепции исторического процесса, в соответствии с которой история представляет собой осуществление божественного промысла⁹²; однако ученик Плифона, Лаоник Хапкокондил, был фаталистом, как и его учитель, а Критовул возвратился к тезису predeterminedного роком чередования царств⁹³.

Победа ислама над Византией означала крах тезиса византийской философии истории о том, что бог наказывает за действия против православной веры⁹⁴ и что благополучие и процветание общества и народа зависят

от верности догматам православия. Ответ на свои сомнения византийцы искали в учении о естественном развитии царств, которое соответствует природным биологическим законам и которое мы встречаем еще у Полибия и Дионисия Галикарнасского, когда эти авторы пытались объяснить грекам закономерность мирового господства римлян. Теперь наряду с Критовулом такие же взгляды высказывали Мануил II Палеолог и Феодор Метохит⁹⁵: для них Византия уже не была идеальным завершением исторического развития, а являлась одним из исторических этапов, которые, как и все живые организмы, подвержены законам возникновения и гибели.

9. ИСТОРИОГРАФЫ И ИХ ЧИТАТЕЛИ

Лукиан выдвинул требование, чтобы авторы исторических произведений обладали политическим и полководческим опытом. Большинство авторов византийской историографии удовлетворяло хотя бы одному из этих требований⁹⁶. Среди них были император Иоанн Кантакузин, царица Анна Комнина, кесарь Никифор Вриенний, первый министр Пселл, юрисконсульт и секретарь Велисария Прокопий и ряд высокопоставленных деятелей византийского административного и дипломатического аппарата. Многие из них принимали участие в описываемых ими военных действиях или переговорах.

Для кого они писали и кто читал их произведения? Об интересе читателя к средневековому произведению обычно судят по числу рукописей, которое в нашем случае весьма незначительно. За исключением Зосима,

⁹² См.: Oudaltsova Z. V. Le monde vu par les historiens byzantins du IV siècle. — BS, 1972, 23, p. 193—213; Cameron A. M. The «scepticism» of Procopius. — Historia, 1966, 15, p. 466—482.

⁹³ Ridley R. T. Op. cit., p. 287.

⁹⁴ См.: BB, 1961, 20, с. 127.

⁹⁵ Theophyl. Simekattes (Bonn), p. 26.

⁹⁶ Hunger H. Op. cit., I, S. 98.

⁹⁷ Mich. Psellos (ed. Rénault), I, 71: ἐγὼ δὲ εἰωθὼς εἰς τὴν τοῦ Θεοῦ πρόνοιαν τὰς περὶ τῶν μειζόνων διοικήσεις ἀναγαγεῖν... μὴ παρατραπείης ἡμῖν τῆς κατὰ τὴν φύσιν ἔξεως; II, 109: εἴ τις τὴν χεῖρ μεταβάλλει ζωὴν, αὐτίκα δὲ ἀναλύει τὸ εἰμαρτόν· λέγω δὲ ταῦτα ἐλληνικοῖς δόγμασι ἀποχρώμενος ἐπεὶ τό γε καθ' ἡμῖς οὐδὲν τι ἡμῖν εἰμαρται... ἀλλὰ τὰ τέλη τοῖς προλαβούσαις πράξεσιν ἀνάλογα.

⁹⁸ Niceph. Bryennios (ed. Gautier), II, 22: νεύσει Θεοῦ καὶ σπουδῇ ἡμετέρᾳ; I, 15; καρτερία καὶ τόλμη καὶ μελέτῃ στρατηγικῇ συνέριθον λαβὼν καὶ τὴν ἄνωθεν πρόνοιαν, δι' ἣν τὰ τέλη κατορθοῦνται τῶν ἐγγχειρήσεων.

⁹⁹ Carile A. Op. cit., p. 264—266.

⁹⁰ См.: Из истории культуры средних веков и возрождения. М., 1976, с. 3—16. С других позиций оценивает философию Никифора Григоры Е. Муцопулос, см. Moutsopoulos E. La notion de «kairicité» historique chez Nicéphore Gregoras. — Византиνά, 1972, 4, p. 203—213. Автор здесь рассматривает термины *καιρός*, *καίριος*, *καιρικός* и их отрицание — *οὐ καιρός*, *οὐκ καιρικός*, а также термины *βούλησις*, *βούλημα* и показывает, что, по Никифору Григоре, человек может вмешаться в события, если только он правильно заметит наиболее подходящий момент развития с точки зрения предполагаемых намерений.

⁹¹ Niceph. Gregoras (Bonn), p. I, 154, 10—17; 154, 23: δέον γὰρ εἰς τὴν ἄνωθεν εὐ τὰ πάντα κινούσαν... πρόνοιαν ἀναρτῆσαι τὴν ὅλην αὐτοῦ τε καὶ τῶν παίδων φροντίδα.

⁹² Critobul din Imbros (ed. Grecu), p. 37, 23—28; 155, 3—7. Ср.: Laon. Chalk., I, 26. См. также работу И. П. Медведева, указанную в примеч. 79.

⁹³ Ducas (ed. Grecu), p. 44, 9; 131, 11—12; 163, 6. О взглядах поздневизантийских историков см.: Turner G. J. G. Pages from late Byzantine philosophy of history. — BZ, 1964, 57, p. 346—373; Ševčenko I. The decline of Byzantium seen through the eyes of its intellectuals. — DOP, 1961, 15, p. 169—186 (особенно 180—183).

⁹⁴ См., например: Mich. Attaleiates, p. 194, 1—9; Eustathios (ed. Kyriakidis), p. 4; Ducas (ed. Grecu), p. 87, 18—21; 251, 9; 177, 16—21; Podskalsky G. Byzantinische Reicheschatologie. München, 1972.

⁹⁵ Manuel II Palaiologos. Dialogue mit einem Perser / Ed. E. Trapp. Wien, 1966, S. 55—59; Theodoros Metochites. Miscellanea / Ed. Müller — Kiessling, N 112: καθάπερ ἐπ' ἀνδρὸς ἐκάστου, μᾶλλον δὲ καὶ ζώου τινὸς ἐκάστου κατὰ φύσιν ἐπόμενον ὄρᾶν ἐστίν, ὅτι δὴ γίγνεται τὴν ἀρχὴν ὡς περ ἐπὶ ῥητοῖς καὶ πρόεισιν εἰς ὅσον δέδοται, κάπειτα πρὸς τοῖς ὁροῖς γενόμενος τελευτᾷ τὸν βίον... τὸν αὐτὸν τρόπον καὶ ἐπὶ τῶν ἐθνῶν καὶ τῶν πόλεων τὸ ἐξ ἀρχῆς ὁρῶμεν ξυμβαῖνον... καὶ τὸν αἰεὶ χρόνον οὕτω κύκλῳ καὶ κατὰ διαδοχὰς χορεύοντα.

⁹⁶ Lucian. De hist. conscr., 34, 37.

произведение которого сохранилось только в одной рукописи, утрачены все произведения, созданные до Прокопия. В единственном списке сохранились произведения Льва Диакона, Генесия, Евстафия, Киннама, Дуки и Критулула, а до недавнего времени также и Пселла, которого мы теперь знаем по двум рукописям и *istoria sutyomos*. Что касается сочинения Никифора Вриенния, то единственная рукопись, легшая в основу издания Поссена (XVII в.), была утрачена.

Создается впечатление, что ряд произведений византийской историографии не дошел до нас именно потому, что они существовали в незначительном числе списков. Из 14 исторических произведений, которые перечисляет в своем предисловии Скилица, сохранились только четыре, а трех из названных им авторов мы вообще не знаем ⁹⁷.

Даже если предположить, это средневековое произведение распространялось не только путем индивидуального чтения, но и воспринималось на слух (сами византийские историки наряду с терминами *oi anagignōskontes* иногда называют «потребителей» своих произведений *akroatēs, o akoubōn*) ⁹⁸, все же весьма вероятно, что круг лиц, интересовавшихся этими произведениями, был весьма узок ⁹⁹. Из-за кратковременности византийских династических родов в Византии не было династической придворной историографии, охватывающей длительный период времени. Попытками создать такую историографию можно считать произведения Никифора Вриенния, Анны Комнины и Киннама. Несмотря на это, однако, создается впечатление, что произведения византийской историографии были предназначены для узкого правящего слоя, членов императорской семьи, представителей политического и военного аппарата, причем главной их целью были соблюдение и передача политического опыта: это была история, как ее видели главным образом те, кто жил в столице империи. Об этом свидетельствуют также советы, оставленные сыновьям Василием V и Константином Багрянородным.

Предоставим заключительную оценку византийской историографии автору XIV в. Феодору Метохиту: «Мы с примерным усердием занимались всем, это было каким-либо образом связано с греками и касалось греков, все равно — важным или неважным. . . все это наши историки собрали для очевидцев. Но сколько подобных событий произошло у других народов? . . . Вполне возможно, что у других народов есть исторические произведения, подобные нашим, в которых они сохранили достойные внимания и памяти деяния своих предшественников и предков, чтобы последовательно передать их своим потомкам, которые могли бы ими воспользоваться. И точно так же, как мы не знаем ничего о них, потому что греческие историки ими не интересовались, они, вероятно, ничего не знают о нас, потому что их историки не проявляли никакого интереса к нашим делам» ¹⁰⁰.

⁹⁷ О рукописной традиции византийских историков см.: *Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen Literatur*. Zürich, 1961, I; *Hunger H.* Op. cit., I, S. 243—247; Любарский Я. Н. Михаил Пселл, с. 175—178.

⁹⁸ *Mich. Attaleiates*, p. 281, 13; *Pachymeres*, p. 12: τοῦ λόγου τὰς ἀκοὰς γοητεύοντας τοῖς ἀκούουσι; *Niceph. Gregoras*, p. 9, 24: ἵνα ἐκπλήττωσι τοὺς ἀκούοντας. В позднеантичной литературе, конечно, эти слова уже приобрели значение «читать, читатель», ср.: *Filostr.* VA, 5, 14; *Plut. Caes.*, 3; *Thes.*, 1; *Lys.*, 12. Но у Лукиана (*De hist. conscr.*, 14) они используются в значении «слушать»: ὅποσα μέμνημαι ἑναγχοῦς ἐν Ἰωνίᾳ συγγραφέων τινῶν καὶ . . . ἐν Ἀσίᾳ πρῶην ἀκούσας τὸν αὐτὸν τοῦτον πόλεμον διηγουμένων.

⁹⁹ Совершенно обособленно в предисловии Никиты Хониата (3, 34—4, 65) стоит *istoria*. . . ἐρῶσα προκείμεθα σκαπανεῦσι τε καὶ σιδηρεῦσι καὶ πολλῆς γέμουσι τῆς ἀβολῆς καὶ συνήθες εἶναι τοῖς πρὸς ὅπλα . . . βλέπουσι, μὴδὲ γυναιξὶ χερνήτῃσι δυσκολαίνουσα. Таким путем обосновывает автор необходимость простого и понятного языка; см.: *Hunger H.* Op. cit., I, S. 434. Это место можно понимать только как риторическую гиперболу.

¹⁰⁰ *Theodoros Metochites. Miscellanea*, N 413.